

ТЯЖЕСТЬ СЛОВА

ЕКАТЕРИНА ГИЧКО

МОСКВА

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Г51

Иллюстрация на переплете *Ирины Василенко*

Гичко, Екатерина Ивановна.

Г51 Тяжесть слова / Екатерина Гичко. — Москва : Эксмо, 2025. — 448 с. : ил.

ISBN 978-5-04-215947-3

Когда тебя хотят выдать замуж за старого садиста, не нужно в отчаянии бежать в жуткий лес. Страх ни к чему хорошему не приводит, и ты только найдёшь ещё худшие неприятности.

Как я.

Променять одно замужество на другое — точно не тот выход, который я искала. Тем более что новый жених — наг! Зверь неведанный и обросший страшными байками.

Но даже раса жениха меркнет на фоне семейных проблем и тайн происхождения. Возможно, судьба была благосклонна ко мне, посылая на мой путь именно его. Того, кто не захочет делить меня ни с кем.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-215947-3

© Гичко Е., текст, 2025
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2025

563 год эры Храммáра¹

ГЛАВА 1

Встреча у озера

— Госпожа! — раздался вопль позади. — Вернитесь! Там опасно!

— Дурная девка! Куды прёт?!

Шесть всадников неслись через луг прямо к лесу, пока я поспешно проламывалась сквозь кусты и бурелом. Голоса постепенно отдалялись, и через некоторое время они уже звучали немного в стороне. Похоже, погоня пошла по другому пути. Не рискнули войти в лес и, наверное, решили в объезд на другую сторону выехать, подумав, что я пройду по краю леса и выйду к дороге. А я, размазывая злые слёзы и паутину по лицу, забиралась всё глубже и глубже. Туда, куда никто не ходил, справедливо опасаясь никогда не вернуться.

Я ненадолго остановилась и осмотрелась. Лядáщий лес не имел мелкого редколесья по опушке. Он сразу начинался с дремучей чащи. Стволы заросли цветистым лишайником, с ветвей свисал бородастый мох, кроны деревьев переплетались так густо, что лучи солнца сюда почти не доходили.

Путь то и дело преграждали поваленные стволы и заросли колючих кустов. Через некоторое время я уже не могла понять, с какой именно стороны пришла. На мгновение даже

¹ Храммáр — один из тринадцати священных зверей-охранителей мира (см. главу «Про летоисчисление»). (*Здесь и далее — прим. авт.*)

испугалась, но тут же вспомнила, что всё равно не собиралась возвращаться. Прислушалась. Сквозь птичьи трели, шум ветвей и глухое потрескивание стволов едва-едва пробивались человеческая речь и конское ржание. Переклички всадников звучали совсем далеко. Я развернулась и полезла дальше через ежевичные кусты.

Лядащий лес имел дурную славу. Непролазные чащи, дикие звери, ядовитые змеи, нечисть... По слухам, здесь водились даже наги. А что? До гор недалеко, полтора дня пути верхом. Через горы ещё дня четыре, а дальше Давриданская империя и княжество нагов. Может, они и к нам заползают.

Своё название лес получил ещё в давние времена, когда представлял из себя жиденский, насквозь просвечивающий лесок. Теперь-то он уже был не таким, но название осталось. Как насмешка. Или ирония.

В одиночку сюда никто не ходил. Да и отряды охотников далеко не отваживались забредать. Зачем рисковать жизнью, когда вокруг много других лесов, поспокойнее? Слышала, недавно сюда из ближайшей деревни ходил охотник по имени Михонь. Не вернулся. Мужики потом прошли вдоль кромки леса, ногу его нашли, а самого охотника нет.

Слух разбалтывал Валейка, мальчишка, помогающий на нашей конюшне. Девки, слушающие его, аж позеленели, услышав про ногу. А он, поганец, специально, чтобы их постращать, лишь в конце добавил, что у охотника нога деревянная была, из осины выточенная. Потому, мол, на неё нечисть и не покусилась.

Ещё Валейка рассказывал, что мужики, которые искали Михоня, слышали вой и насилу ноги унесли. Клялись, что их едва не пожрало какое-то чудище.

Я зацепилась ногой за корень и упала лицом вниз. Хотела встать, но просто перевернулась на спину. Над головой качались ветки, на них развевались рваные нити паутины. На одной, как маятник, раскачивался паук. Картинка перед глазами расплылась, и я опять заплакала. Тихо и беззвучно, но от этого не менее горько.

Плакала больше от обиды. И почему мне всегда стараются сделать что-нибудь плохое? Такое, от чего всем хорошо, а мне плохо! Я шмыгнула носом и прерывисто вздохнула. Перед глазами появился образ отца. На смену обиде пришла злость. Замуж меня выдать! За Женоеда! Законных дочерей-то пожалел, мной откупился!

Женоедом жениха звали не просто так: семь жён уже схоронил. До свадьбы они были молоды, полны сил и здоровья, а после самое большое полгода жили. Говорят, последняя долго умирала, а от чего умирала, никто и не знал. И вот даже месяца с её похорон не прошло, а граф уже к батюшке сватов прислал. Мол, у тебя шесть дочерей, не пора ли им замуж? И выкуп посулил по весу невесты серебром.

И подгадал-то как хорошо! Аккурат в этот год наша семья оказалась в неприятном положении: неурожай, скот падает, дочери-невесты, каждой приданое нужно... А отец ещё дал в долг большую сумму старому другу, прохиндею графу Сёмскому. Тот денежки не спешил отдавать.

И ладно, и без этих денег прожили бы. Не впервые неурожайные годы выпадают. Но мачеха запела, что девок незамужних в доме шесть вместе со мной, так хоть одну нужно замуж выдать. Граф Ротрийский же — тот самый Женоед — и высокороден, и богат. Так почему бы Таёну не отдать за него? Ей, незаконнорождённой, о лучшей доле и мечтать не следует. И за ней можно и приданого не давать. Графу оно всё равно не нужно.

В имении все слуги на меня как на умирающую смотрят. Ларибна, сестра, голосит по смерти моей, а за спиной хихикает, какой мне красавец жених достался. В меру стар, не в меру безобразен. А отец... Ладно мачеха, я ей кровь не родная и вообще о неверности мужа напоминаю. Но он-то... Согласился и вздохнул с облегчением, что долг отцовский передо мной выполнил до конца. Замуж выдаст, а что девке ещё надо?

А утром сегодня в наш дом заехал герцогский кортеж. Герцог Омáский с домочадцами проезжал мимо в своё имение. Батюшка предложил им гостеприимство, мачеха рассыпалась в

любезностях, а сёстры заробели, посматривая в сторону четырёх симпатичных герцогских сынков. Все в доме оживились, одна я была как в трауре!

От радости домочадцев мне стало совсем тошно, и в таком мрачном настроении я была, пока ко мне не подошёл младший герцогский сын. Он так ласково смотрел на меня, с таким интересом задавал вопросы и так внимательно слушал... И отец его, герцог, наблюдал за нами благосклонно. Я уже начала надеяться, что вот, может, сложится у меня с этим милым юношей и откажут Женоеду. Но тут мачеха словно мимоходом сказала, что я обручена и жених к вечеру приедет. Может, и стерпела бы, но сердце словно ножом полоснуло, когда я увидела на лице юноши искреннее огорчение.

Это и стало последней каплей. Злость вскипела. Ну уж нет! Пусть лучше звери в лесу сожрут! Хоть быстро отмучаюсь.

Я ушла в комнату, переоделась в рубаху и штаны и пошла на конюшню. Не глядя оседлала первого попавшегося коня и поскакала в сторону Лядащего леса.

Слуги, конечно же, сразу устроили переполох. Даже мачеха выскочила из дома и вслед кричала, чтобы вернулась. А отец стражу послал догонять. Хорошо, что конь быстроногий попался. Как ветер вынес на окраину леса, оставив погоню позади на полверсты¹. Я его отпустила, а сама в лес побежала.

Немного успокоившись, я вытерла слёзы, встала и пошла дальше. Один раз испугалась и замерла, когда ветка хлестнула по лицу. Показалось, что перед глазами мелькнула мордочка какого-то существа. Крошечная, оранжевая, а ноздри и глаза чёрные... Бересклет! Тьфу ты! Ягоды ядовитой испугалась!

Я уже глубоко забралась, но до сих пор никто меня не попытался ни сожрать, ни даже напугать. Может, враньё всё про лес? Я остановилась и без сил упала на обросший мягким мхом ствол. Осмотрела себя и приуныла ещё больше. Рубаху успела порвать в двух местах, зеленью и паутиной вся измазалась, на щеке ныла и набухала ссадина, коса была полна

¹ В е р с т а — мера длины, равная 1,06 км.

сухой листвы и мелких веточек. Опять накатила обида. Чтобы снова не разреветься, сжала зубы, поднялась и решительно зашагала снова.

Через полчаса впереди замаячил просвет. Я приостановилась, испугавшись, что сама себя запутала и вышла к дороге кружным путём. А там меня стража поджидает... Вряд ли они посмели так быстро с пустыми руками вернуться в имение. Прислушалась. Голосов вроде не слышно, птички поют, дятел стучит... Осторожно двинулась вперёд.

Просветом оказалась маленькая полянка, расположенная на берегу небольшого озера. Вокруг водоёма всё так же чернел непролазный лес. В тени деревьев на поляне трава росла невысокая, но мягкая и густая на вид. Ближе к берегу попадались ладошки подорожника и куртинки каких-то мелких жёлтых цветочков. Само озеро было необыкновенно красиво. Вода зеленоватая, но такая прозрачная, что можно было увидеть камешки на дне и обросшие тиной коряги. В глубине иногда сверкали блестящими чешуйками рыбки, стремительные, как блики на воде. С той стороны, куда я вышла, спуск к озеру был пологим, и это оказался самый удобный подход к воде. Во всех остальных местах берега были обрывисты, склоны их оплетали корни, а над водой тяжело клонились ветви деревьев. С одной стороны, справа от меня, обрушившийся ствол и вовсе ушёл кроной в воду. Дерево давно уже было мёртво, кора позеленела от мха, а голые ветви обросли бородатой тиной.

У самого берега тихо шуршали кусты камыша, а на водной глади покачивались листья кувшинок с желтовато-белыми соцветиями. Вот уж чудесное место! Ноги сами подогнулись, и я плюхнулась на травку. Здесь не грех и отдохнуть, успокоить душу прекрасной картиной. Можно даже руки помыть и лицо ополоснуть... Потом, когда буду уверена, что мне в воде пальцы никто не откусит.

Только подумала об этом, как из-за упавшего дерева показалось из воды нечто длинное, толстое, чёрное и чешуйчато-блестящее. Вынырнуло и плюхнулось обратно. Словно кто-то хвостом махнул. Сердце испуганно захолонуло, а кровь в

жилах выстудилась. Змея! Вот и дождалась. В тёмном лесу меня не съели, зато сейчас съедят в этом дивном месте. Озеро потеряло всю свою прелесть. Если глаза меня не обманули, то змея была очень длинной и толстой, толще меня. Ей и жевать не придётся, так заглотит. А если она меня живьём проглотит, я, получается, буду медленно умирать у неё в брюхе?

Женоед уже не казался таким страшным. Я осторожно, на заднице, начала отползать от берега, ожидая, что вот-вот из-за дерева с тихим шуршанием выползет гигантская змея, поднимет свою уродливую голову, раззявит жуткую пасть и бросится на меня. Под бедром хрустнула ветка. В чуткой тишине леса, наполненной лишь пением птиц, хруст показался оглушительным. Я замерла.

Птицы продолжали петь, от солнца шёл лёгкий жар, а от озера приятная свежесть. Чуть слышный плеск раздался среди купающихся в воде ветвей мёртвого дерева. Затаив от страха дыхание, я вытаращилась в ту сторону. На зелёный ствол легла белая рука. Мой рот открылся. Не от удивления, просто так дышать было легче, я уже задышалась от страха. Следом за рукой показалось плечо. Голое крепкое плечо. А затем голова.

Голова была мужская. Очень красивая. Узкое породистое лицо, плавные, немного хищные черты. Тонкая прямая линия носа, капризный изгиб губ. Глаза миндалевидные, тёмные, слегка вытянутые к вискам. Я никогда раньше не видела таких удивительных глаз. Хищный разлёт чёрных бровей. Густой водопад жгуче-чёрных прямых волос.

Мужчина слегка подался вперёд и, сложив руки на стволе, повернулся ко мне. На меня он смотрел с умеренным любопытством. Видно, его не радовало, что кто-то нарушил его уединение, но, похоже, это происходило так редко, что меня были склонны простить.

— Ты кто? — спросил мужчина.

Его голос был тягучим и властным. Он так и приказывал ответить незамедлительно. Но я не могла вымолвить ни слова. Страх и удивление лишили меня дара речи. Я пошевелиться-то не могла и дышала с трудом! Сердце, казалось, разрос-

лось и бухало в горле, перекрывая доступ воздуху. Мужчина склонил голову набок и окинул меня взглядом.

— Подойди ко мне! — неожиданно приказал он.

Я испуганно вжала голову в плечи.

— Ну же, хватит трусить, — приободрил он, и на его губах появилась ехидная улыбка.

Я не хотела подходить, хотя было немного любопытно, что этот мужчина там вообще делает. Но и бежать боялась. Мысли о ползающей где-то гигантской змее заставляли меня цепенеть от леденящего страха. А незнакомец всё-таки живой, с ним не так страшно. Я всё же встала и на негнущихся ногах пошла к нему. Каждый посторонний шелест заставлял меня испуганно сжиматься, ненадолго замирать и выискивать глазами извивающееся змеиное тело. Обойдя упавшее дерево, я испуганно захрипела.

Сначала я решила, что, пока обходила дерево, змея напала на мужчину и уже проглотила его до пояса. И лишь потом обнаружила, что головы глотающей змеи нет, а сам змеиный хвост словно прирос к его торсу. Незнакомец довольно хмыкнул и шевельнул хвостом. Вода плеснулась.

Наг! О боги, это наг! Страх и любопытство во мне сошлись в смертельной схватке. Я никогда не видела нагов, хотя одно из княжеств змеелюдов располагалось как раз рядом с границей. А граница от нас не так далеко, правда, добраться до неё нужно через леса и горы.

У находившегося передо мной нага торс плавно переходил в антрацитово-чёрный мощный змеиный хвост. Руки и грудь мускулистые, а на животе даже вырисовывался рельеф. Совсем не похоже на рыхлое брюхо батюшки, которое я как-то видела, когда отец по зиме выскакивал из баньки в одних портках, чтобы окунуться в снег. Чуть ниже пупка у нага шли редкие светло-серые чешуйки, которые постепенно сливались в чёрное блестящее полотно. Чешуйки были мелкие, только там, где у человека должна находиться развилка, располагались две крупные пластины. Хвост в самой верхней его части был очень толст, шириной в полторы, а может все две меня.

Он постепенно сужался к своему кончику. Очень постепенно, потому его длина привела меня в ужас. И сейчас чешуйчатый кошмар лениво плескался в воде.

Губы нага кривились в снисходительной усмешке. Мой страх его, видимо, забавлял.

— Ну же, присаживайся, — пригласил он.

Я даже не успела обдумать предложение, как кончик хвоста стремительно выскользнул из воды и, обвив мою ногу, дёрнул. Взвизгнув, я шлёпнулась на спину. Хвост поволок меня к своему хозяину и отпустил, когда мои ноги оказались примерно в локте от мужчины. Длинный ужас опять уполз бултыхаться в воде, а я торопливо села, одергивая рубаху и поджимая под себя ноги.

— Как тебя зовут?

Я решила, что безопаснее ответить.

— Т-таюна, — заикаясь, произнесла я.

— Таюна, — повторил наг, словно смакуя. Мои щёки почему-то полыхнули. — И что ты здесь делаешь одна? Насколько я знаю, люди не любят сюда заходить.

Его вопрос вернул меня к действительности. А именно — к Женоеду. Почему-то сейчас Женоед уже не казался предпочтительнее гигантской змеи, оказавшейся нагом. Я опять помрачнела. Осмотрев нага, который ожидал моего ответа с насмешливым интересом, я прочистила горло и осторожно спросила:

— Вы людей едите?

Мужчина фыркнул от смеха, показав в улыбке зубы. Я тут же подумала, что даже если не ест, то укусит запросто. Тонкие длинноватые острые клыки произвели впечатление. Поэтому ответ меня даже разочаровал.

— Нет.

— И кровь не пьёте? — искренне расстроилась я. — Может, хотя бы убиваете людей?

На лице нага мелькнула озадаченность. Похоже, ему мои вопросы показались странными.

— Может, и убиваю, — осторожно ответил он.

От следующего вопроса меня отвлек хвост, который высунулся из воды и, вытянувшись вверх, уцепился за ветку растущего рядом дерева. Теперь здоровенная чёрная колбаса раскачивалась в воздухе. Я не могла оторвать от неё глаз. Сбоку раздалось тихое недовольное шипение, и я дёрнулась, зачарованно уставившись на губы нага.

— Так что ты здесь делаешь? — повторил мужчина вопрос.

Я смутилась, сообразив, как вообще будет звучать причина моего нахождения здесь, и перевела взгляд на его пупок.

— Ну... я думала, что, может быть, меня тут кто-нибудь съест...

Наг громко расхохотался. Я обиженно посмотрела на него. Змей змеем, а ржёт, как конь!

— Не надо смеяться, — тихо попросила я. — Мне что здесь умереть, что там мучиться, а потом всё равно умереть. Тут просто получится быстрее.

Смеяться мужчина перестал, но глаза так и блестели весельем.

— Сколько тебе лет, девочка? — насмешливо поинтересовался он. — В твоём возрасте все склонны преувеличивать беды.

Я была готова с ним согласиться.

Я чувствовала себя глупо, ужасно глупо! Зачем вообще сюда потащилась?!

— Девятнадцать, — хмуро ответила я. — Может, моя беда и не беда. От свадьбы ещё никто не умирал, это верно. Но с мужьями не всегда везёт. И с жёнами тоже.

— Наверное, старый и некрасивый? — с усмешкой предположил наг.

Я недовольно посмотрела на него.

— И что с того? Не всем везёт на симпатичных женихов! — с вызовом ответила я, но тут же сдулась и поникла. — Просто он семь жён уже похоронил. Ни одна больше полугода не прожила. Слухи жуткие ходят...

Наг удивлённо вскинул брови.

— И твои родители дали ему согласие?

— Я незаконнорождённая, это хорошая возможность сбить меня с рук.

Я ожидала, что лицо его осветится пониманием, но наг хмыкнул и загадочно протянул:

— Люди...

Его хвост громко плюхнулся с высоты в воду, а затем начал стремительно выползать на берег. Так стремительно, что у меня всё внутри поджалось и я пискнула:

— Мамочки!

— Как же я буду тебя есть, если ты шарахаешься от меня? — снисходительно посмеивался наг. — Ловить тебя, что ли?

Я понимала, что мужчина просто забавляется и есть меня не будет. Наверное... Но его хвост был по-настоящему жутким! Чёрные кольца сворачивались, перетекали, извивались... Я не могла смотреть на это без содрогания.

Про нагов вообще ходили ужасные слухи. Наш старый конюх Ёрха, любитель хорошо и часто выпить, постоянно травил страшенькие байки. В некоторых из них главная злодейская роль отводилась нагам. Если верить его историям, то наги похищали юных дев, выпивали их досуха, как вампиры, а плоть пожирали. В особенности любили они печёнку. Или же, наоборот, крали мужчин и травили их своим ядом. От этого яда в телах жертв зарождались змейки, которые постепенно, очень медленно пожирали плоть. И эти змейки вырастали в нагов. Эта история мне казалась страшнее первой. Даже оторопь брала при мысли о том, как наги размножаются. Нет бы хотя бы женские тела использовали!

Байки байками, но сейчас передо мной лежал живой наг, который утверждал, что людей не ест. Может, и врёт. Сомнения в его искренности вызывали руки: на пальцах у него имелись длиннющие белые когти. На вид — твёрдые и очень острые.

— А жених-то богат? — вывел меня из созерцательной задумчивости голос нага.

— Богат, — поморщившись, ответила я.

— Так выходи за него, потом отравишь, — посоветовал мужчина, лениво улыбаясь и поглядывая на меня из-под ресниц.

— Так после свадьбы нельзя, а до свадьбы, говорят, он в гостях в рот маковой росинки не берёт, — нерешительно пробормотала я. — Вроде был случай, когда свадьбу в похороны хотели переделать. Рассказывают, даже гроб втихомолку приготовили, чтобы сразу его и схоронить. А то вдруг мертвяком встанет.

— Чтобы он мертвяком после смерти сам встал, ему некромантом нужно быть. Он некромант?

Такого о Женоеде не рассказывали.

— Вроде бы нет... Я сама в магии ничего не понимаю. Что говорят, то и пересказываю. От себя ничего не прибавляю.

— Слухи выдумывают глупые бабы и пьяные мужики. Почему после свадьбы нельзя помочь ему перебраться на тот свет? В разных домах, что ли, жить будете?

— Так нельзя же, — растерялась я, чувствуя себя всё глупее и глупее. — Я клятвы же принесу, что уважать его буду, беречь...

Глаза нага недоверчиво расширились. Наверное, он решил, что я смеюсь над ним.

— Какая наивность... И многие у вас этих клятв придерживаются? — Он презрительно искривил губы. — Твой отец не больно верен своей жене был, раз появилась ты.

— Это на его совести, — непреклонно ответила я.

Мужчина с некоторым удивлением осмотрел меня ещё раз. Видимо, ему нечасто такие дурочки встречались. Но улыбка очень быстро вернулась на его лицо.

— Ну а ты представь, что после смерти мужа останешься богатой вдовой, которой никто не указ. Богатая, свободная... — искушающим тоном протянул наг.

— Нельзя так! — упрямо заявила я. — Клятвы мы даём для себя. Мы их всегда даём только сами себе! Если, например, ты обещал кому-то исчезнуть из его жизни, то исчезнуть должен ты, а не тот, кому ты дал обещание. Клятва имеет власть